

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Процесс. Результат. Осмысление

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-96-110

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Наука как не совокупность результатов, а способ их получения

Л.А. Маркова

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

Тема статьи показать отличие классической логики науки (XVII – начало XX вв.) от неклассической логики (XX в.). Классическая логика основана на общих свойствах изучаемых предметов, неклассическая – на особенных, индивидуальных. Главный тезис – современная наука характеризуется через свое начало, через эмпирию, через контекст рождения мысли. Ученый и его социальные связи изменчивы и не могут служить устойчивой базой для получения единственно возможного истинного результата при изучении данного конкретного предмета. При этом не принималось во внимание, что этим свойством независимости природа наделялась самим ученым. Вернее будет сказать, что из всех свойств реальности наукой выделялись именно эти свойства как наиболее приемлемые для построения логической системы, объясняющей весь окружающий мир. Все остальные свойства игнорировались. В XX в. внимание переключилось именно на те свойства предметов и событий, которые определяют их самобытность, уникальность, а значит, возможность вступать в общение. Ведь для общения нужны как минимум два собеседника, и каждый из них обладает своим началом, которое формируется из контекста. В начале формирования знания еще нет разделения на субъект и объект. Контекст создается как из эмпирии, так и из знания в голове ученого. Хирург работает руками, руководствуясь имеющимися у него теоретическими соображениями, а когда сталкивается с трудностью, может несколько, а иногда и очень существенно, изменить теорию, решая таким образом возникшую практическую задачу. Встраиваясь в общую структуру науки, результат деятельности ученого ориентирован на

человека и окружающий его мир. Однако это последнее разделение остается возможным, но не существенным, оно отодвигается в логике на задний план. Автор заключает, что главная проблема, подлежащая дальнейшему серьезному осмыслению, – это понять, как социальное включается в логику науки.

Ключевые слова: обобщение, общение, человек, мир, контекст, диалог, пространство, время, прерывность, революция.

Маркова Людмила Артемьевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

markova.lyudmila2013@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3396-9235>

Для цитирования: *Маркова Л.А.* Наука как не совокупность результатов, а способ их получения // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 96–110. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-96-110

Science as not a Set of Results but the Way of Obtaining Them

L.A. Markova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the differences between the classical logic of science (17th–20th centuries) and non-classical logic (20th century). While classical logic is based on the general properties of the objects studied, non-classical logic is based on the special, individual. The classical logic singled out in the studied objects their common properties that united them and ensured their independence of human. The scientist and his social connections are volatile and cannot serve as a stable basis for obtaining the only possible true result during examination of particular object. At the same time, it was not taken into account that scientists themselves endowed nature with this property of independence. It would be more correct to say that scientist distinguished from all properties of reality precisely these properties as the most convenient for constructing a logical system that explains the entire surrounding world. All other properties were ignored. In the 20th century attention was shifted to the properties of objects and events that determine their identity, which means their ability to communicate. After all, for a communication at least two interlocutors are needed who differ from each other. Each of them has its own origin, which is formed by the context. At the origin of the formation of knowledge there is still no division between subject and object. The surgeon works with his hands guided by his theoretical knowledge. When he encounters

difficulty, he can modify the theory, thus solving the practical problem that has arisen. In the structure of science, knowledge is embedded in this form, without division between man and the surrounding world. However this last division remains only possible but not essential for logic. The main problem that needs to be further seriously considered is to understand how the social is included in the philosophy of science.

Keywords: generalizing, communication, human, world, context, dialog, space, time, discontinuity, revolution.

Lyudmila A. Markova – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

markova.lyudmila2013@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3396-9235>

For citation: Markova L.A. (2019) Science as not a Set of Results but the Way of Obtaining Them. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. 96–110.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-96-110

Вводные замечания

Маркс специально не занимался естественными науками, он был экономистом. Но наука ему нужна, т.к. она является, по его словам, душой производства. Научные достижения функционируют в обществе с разделением труда как силы природы. При чем разделение труда становится действительным, лишь когда появляется разделение материального и духовного труда. Для того чтобы успешно применяться в материальном производстве, наука должна обладать своим собственным существованием вне рамок разделения труда, в контексте культуры (как всеобщий труд). Характер взаимодействия людей в рамках совместного труда и труда всеобщего принципиально различен, и это различие порождает два разных типа социальности. Соотношение этих двух типов социальности, полагает Маркс, определяет место и роль науки в обществе Нового времени. Разные виды общественной деятельности выступают здесь или как причина, внешний социальный фактор, или как объект воздействия. «Наука, заставляющая неодушевленные члены системы машин посредством ее конструкции действовать целесообразно как автомат, не существует в сознании рабочего, а посредством машины воздействует на него как чуждая ему сила, как сила самой машины» [Маркс 1969, 204]. Рабочий тут действует как «профан».

Всеобщий труд в голове ученого существует как открытая система, как возможность новой теории. В то же время рабочий становится рядом с процессом производства.

Контекст исследования в истории и в современности

Ростки нового прорастают каждый раз в условиях индивидуального контекста. Социологи науки сосредоточили внимание на работе лаборатории [Latour, Woolgar 1986]. Все лаборатории разные. Даже в мелочах одна и та же лаборатория меняется от одного эксперимента к другому. Внимание обращается не на общие для всех случаев свойства, а наоборот. Интерес представляет факт, что нет никакой устойчивости. Один и тот же эксперимент дает разные результаты даже при его повторении в одной и той же лаборатории. Делается вывод: в науке нет и не может быть истины. Впрочем, мало кто рискует так решительно заявлять об отсутствии истины в науке. Чаще говорят об этом весьма уклончиво или ограничиваются словами о том, что наука стала другой.

Помимо истины, проблематичным стал ответ на вопрос о логической связи между отдельными событиями возникновения нового знания, будь то отдельные случаи (cases) или открытия в лаборатории. Если в этих случаях новое знание не выводится из старого, то каким образом оно с ним связано? Каким образом оно вообще может быть встроено в структуру науки и стать научным? В результате возникают такие направления мысли, как коммуникативные теории, диалогические системы, культурология. Проблемы, которые приходится решать оппонентам классики, — это трудные проблемы, но само развитие науки и мышления как такового требует их понимания [Маркова 2017а].

На передний план выдвигается понятие контекста в связи с неспособностью философов справиться с появившимися трудностями, опираясь на научные революции в качестве движущей силы исторического развития науки. Контекст ориентирует исследование того или иного события в первую очередь не в прошлое в поисках логического основания нового результата в цепочке развития идей, а в пространство настоящего, в то, что окружает изучаемое событие здесь и сейчас. Пространство начинает играть большую роль, чем время. Такие базовые понятия, как истинность и объективность, хотя и не утрачивают полностью своего значения для науки, становятся маргинальными, теряют свое базовое значение. Контексты разные, значит, и результаты эксперимента

тоже разные. Воспроизводимости эксперимента нет, нет и экспериментального подтверждения логического вывода, а это является обязательным условием классического научного мышления.

Наука представляется не последовательностью линейно следующих друг за другом и выводимых одна из другой идей, а совокупностью расположенных в пространстве на некотором расстоянии друг от друга событий рождения нового. Эти события обычно небольшие по своему размеру, но их, как правило, много, поэтому происходит как бы минимизация предметов исследования. Каждый предмет-событие опирается на свой контекст, элементы которого выбраны из окружающей действительности. Отсюда очень часто возникающая критика нового типа исследований: логика погружается в эмпирию и в результате вроде как перестает быть логикой. Действительно, в классическом мышлении логика по возможности освобождалась от всего преходящего, бытового, не имеющего прямого отношения к логическим законам. А теперь наоборот: логика черпает свою силу из реальности, из здравого смысла, претендует на объяснение рождения нового знания и даже считает это главной своей задачей.

Однако такая переориентация вполне правомерна. Ведь если продолжать считать, что новое знание рождается из предшествующего, то возникает вопрос: может ли оно быть новым и давать нам новое понимание действительности? Если оно родилось из предыдущего, значит, оно там уже содержалось в каком-то виде. Чтобы быть новым, оно должно непременно тем или иным способом как-то выйти за пределы логики в действительность, зацепиться за нее. Очевидным становится парадокс: в момент рождения новая идея должна стать элементом системы научного знания, но в то же время она связана с действительностью, она выходит за пределы логики, которая неспособна преодолеть ту или иную возникшую трудность [Библиер 1991; Делез 1998]. Процесс исследования затормаживается на этом начале мысли, когда нарушается непрерывность развития.

Однако в большинстве случаев это не приводит к обрушению фундаментальных основ мышления, к смене парадигм. Открытие не обязательно представляет собой революцию, меняющую базовые основания науки. Исследования типа *case studies* базируются на особенностях мышления, которые вполне сознательно игнорировались в классике. Любой ученый размышляет в рамках господствующей на данный момент парадигмы немного

по-своему, это неизбежно. Какие-то индивидуальные отличия всегда присутствуют. Иногда та или иная особенность в работе ученого делает получение результата более легким, пусть это и происходит в рамках прежних теоретических представлений. Новый способ решения задачи закрепляется в логической структуре, господствующая парадигма может несколько трансформироваться [Маркова 2017].

Эту особенность мышления использовал Дюгем, но немного иначе, чем авторы case studies. Для него было важным специально подчеркнуть перемены, которые происходят в логической структуре господствующей парадигмы в результате этих мелких изменений. Дюгем подчеркивает, что эти изменения приводят в конце концов к ее слому. Незначительные улучшения господствующей теории делают ее громоздкой, снижают ее возможности решать вновь возникающие задачи, и наконец она разрушается, уступает место новой [Duhem 1913].

По-своему интерпретировали социологи науки значение влияния, которое оказывают на работу ученых в лаборатории всякого рода обстоятельства, не имеющие прямого отношения к исследовательскому процессу. Для них условия исследования (контекст) в силу своей изменчивости, когда один и тот же эксперимент нельзя провести дважды в абсолютно одинаковых условиях, исключают возможность получения истинного результата. Хоть что-то, но непременно меняется от случая к случаю. Реагент для эксперимента доставили несколько другого состава, другой экспериментатор проводит эксперимент, в лаборатории возник неприятный разговор, зашел посторонний человек, отвлек от работы и т.д. Условия невозможно воспроизвести со всеми их индивидуальными особенностями, а это значит, что если условия другие, то и результат другой. Нельзя утверждать, что какой-то из полученных результатов истинный, а остальные ложные [Latour, Woolgar 1986]. Объективного знания нет, в итоге, нет и истинного. Но возможна ли наука без истины? Вопрос до сих пор стоит достаточно остро.

Очень трудно включить в логику в качестве основания индивидуальное и особенное. Привычная нам классическая логика базируется на обобщении. Логический закон не может относиться исключительно к неповторимой, ни при каких условиях не воспроизводимой особенности того или иного высказывания, сопровождаемого, например, мимикой, настроением говорящего. Но

в то же время даже самый обычный разговор на бытовом уровне возможен только в том случае, если в нем участвуют как минимум два человека, отличающиеся друг от друга. Если мы будем исходить только из одинаковых для них обоих характеристик, никакой разговор не состоится. Обмен мыслями возможен, если эти мысли не совпадают. Такое несовпадение может служить основанием для коммуникации, общения в пространстве case studies. Наиболее частая критика, звучащая в адрес case studies, направлена именно на отсутствие связи между отдельными событиями рождения нового знания. Каждый раз контекст другой и результат другой. Непрерывная линия развития научного знания нарушается. Каким же образом реализуется связь, общение между идеями?

Победившая в научной революции теория разрушает свою предшественницу до основания, лишает ее логических прав. В исследованиях типа case studies ничего не разрушается. При желании или в случае необходимости всегда можно проследить и временную последовательность событий в истории. Но эта временная последовательность в этом случае не играет скольконнибудь значительной роли. Отдельное событие (case) изучается прежде всего с точки зрения его формирования из *начала*, из точки, где еще нет четкого различия предмета и знания о нем. Мы хотим понять какое-то конкретное событие в окружающей действительности, но нам это не удается, используя имеющиеся у нас сведения. Мы начинаем так или иначе трансформировать эти уже сложившиеся и всеми признанные, подчиняющиеся господствующей логике знания.

Вместе с тем меняется и предмет изучения, он еще не отделен от нашей мысли. Понимание предмета складывается в этой точке начала. Мышление здесь выходит за пределы логики и погружается в эмпирию, оставаясь мышлением. Естественно, появляются соответствующие работы, где авторы пытаются понять, что же такое эмпирия, какую роль она может играть в формировании мышления нового типа. Достаточно очевидным было лишь то, что новая мысль не может родиться, оторвавшись от действительности, от своих корней, от своего начала. А основания каждого нового результата, контекст его возникновения свой, отличный от любого другого. Поэтому и вывести новое знание из предыдущего не удается.

Возможен, однако, *спор начал*. Да, они разные и могут общаться, как и люди, отстаивающие каждый свою точку зрения, отличную

от точки зрения собеседника. Но ведь для общения абсолютно необходимо и что-то общее, как мог бы с полным правом возразить оппонент такой постановки вопроса. Если речь идет об ученых, разумеется, все спорящие как минимум должны понимать язык друг друга, быть в курсе тех трудностей, которые возникли в их науке и требуют своего преодоления.

Однако в одном случае ученый ограничивается попыткой встроить возникшую проблему в рамки существующей логики и, если это не удастся, отказывается от попыток ее решить. В другом случае ученый выходит за пределы существующей логической системы в нелогику. Действительность воспринимается им не как нечто раз и навсегда данное, которое надо со всех сторон внимательно осмотреть, изучить как оно есть. Подход другой. Возникает сомнение и появляется уверенность, что мысль и предмет суть нечто целостное, и если мысль не совпадает с предметом, то менять надо не только мысль, но и предмет. Противостояние духовности и материальности перестает быть очевидным, оно сглаживается в начале мысли, в момент ее рождения. *Не только реальность формирует мысль, но и мысль формирует реальность.* И когда мы выводим новое знание из его начала, где оно одновременно и встраивается в систему существующего знания с его требующими решения проблемами, и остается погруженным в эмпирию с ее болезненными непонятыми точками, мы получаем знание действительно новое, подчиняющееся принципиально другой логике. Напомню еще раз, что в отличие от классической логики, где революция занимает такое важное место, эта новая логика не разрушает свою предшественницу. И это прежде всего потому, что новая логика для своего функционирования нуждается в собеседнике, который отличается от нее, и в общении с которым она утверждает свою уникальность и совершенствуется.

Все меньше появляется публикаций о научных революциях, и все чаще исследователи интересуются особенностями эмпирии, из которой формируются контексты. Здравый смысл, бытовой язык, повседневность становятся предметом изучения. Не всегда, а вернее будет сказать, практически никогда авторы таких работ не связывают свои исследования с событием смены типов логики. Но объективно дело шло именно к этому. В России тоже усиливается интерес к изучению эмпирии. В 2004 г. выходит книга И.Т. Касавина (в соавторстве с С.П. Щавелевым) «Анализ повседневности» [Касавин, Щавелев 2004] именно на такую тему.

За прошедший с тех пор период времени Касавин много сделал для развития в России идей, связанных с case studies, с процессами формирования контекстов, с созданием социальной философии и социальной эпистемологии. При написании той книги, как мне представляется, он руководствовался больше интуицией, которая его, однако, не подвела.

В последующих своих работах [Касавин 2008; Касавин 2016] Касавин рассматривает проблемы эмпирии уже с позиций новой, только еще формирующейся логики. В деле создания другого, по сравнению с классическим, типа мышления Касавину помогает, помимо хорошо работающей интуиции, умение привлекать в философское размышление некоторые особенности художественного творчества [Касавин 2017]. Именно поэтому в его работах мы встречаем много случаев анализа отдельных ситуаций рождения нового. При таком подходе к науке, ее истории, научному знанию необходимо формировать контекст, исследовать условия возникновения изучаемого события. И в этот контекст входят не только элементы науки, но и сопутствующие научному открытию события действительности. Наука своими корнями, своим началом погружается в эмпирию, там находит, вернее сказать, выстраивает условия своего дальнейшего развития. Любой акт мышления содержит в себе какую-то долю творчества, иначе это не мышление. Действительно, любое суждение человек произносит немного по-своему, и из этого «немного» рождается большая или меньшая оригинальность его мысли.

Далеко не все элементы действительности, сопровождающие рождение нового результата, способствовали его возникновению. Новый результат получается из определенной точки эмпирической реальности, в которой встречаются прерванная линия развития научного знания и предмет, не поддающийся объяснению наличными логическими средствами. Важно, что такое несовпадение логики и эмпирии должно быть обосновано существующей логикой, следует доказать, что логика *в принципе* не может решить возникшую проблему, ни в настоящем времени, ни в каком угодно далеком будущем. Однако значительная часть философов и социологов науки продолжает отстаивать значение классической логики для решения всех возникающих задач. Можно вспомнить многолетний спор в зарубежной философии науки между Голдманом и Фуллером [Goldman 1999; Goldman 2010; Fuller 2011; Fuller, Lipinska 2014] или у нас в стране между

сторонниками классики, с одной стороны, и социальной эпистемологии (социальной философии) – с другой.

Значительная часть исследований посвящается конкретному анализу ряда случаев (cases), которые встраиваются в науку как результат преобразования, а также и *идеям*, неспособным разрешить возникшую трудность в интерпретации реальности и самого *предмета* изучения, принадлежащего этой реальности. Трансформируется и то, и другое. Биолог, изучающий растение, выращенное в определенных условиях, опишет его иначе, чем другой биолог, изучающий то же растение в другом контексте.

Если мы согласны с тем, что новое знание рождается из контекста, большинство элементов которого не принадлежат науке, то в каком смысле можно говорить о *логическом* переходе от контекста к полученному результату, сформулированному по логическим правилам? Важно здесь то, что сам ученый-философ выбирает из действительности и из истории те элементы, которые формируют нужный ему контекст, игнорируя остальные. Так происходит и при классическом, и при неклассическом подходе: та или иная эмпирия создается самим ученым.

Сетевой характер неклассической логики

Если в России развитие социальной эпистемологии в контексте современного философского знания связано с именем Ильи Касавина [Касавин 2008; Касавин 2016], то на Западе эта роль принадлежит американскому философу Стиву Фуллеру [Fuller 2011; Fuller, Lipinska 2014]. И в том и в другом случае базой постановки возникающих проблем были в первую очередь история науки и структура научного знания [Маркова 2017в].

В последние десятилетия большой интерес вызвала концепция французского социолога Бруно Латура, который еще во второй половине прошлого века написал в соавторстве со Стивом Вулгаром книгу о жизни научной лаборатории [Latour, Woolgar 1986]. В этой работе он еще не слишком задумывался о логических механизмах возникновения нового знания из повседневности научной деятельности ученых. Однако в дальнейшем логические проблемы стали его интересовать. В своей статье для вузовского учебника он излагает мысли о некоторых особенностях мышления, которые приходят ему в голову при посещении музея естественной истории в Нью-Йорке, куда он заходил каждый раз, когда бывал в этом городе. Его внимание привлекала выставка истории ископаемых останков лошади, прежде всего с той точки зрения, что мы имеем дело как бы с двойной историей, историей науки и историей предмета исследования. Изучение этого факта, счи-

тает Латур, поможет нам понять пути получения нового в науке: «... время является сущностью и того, и другого» [Latour 2007, 87]. Латур пишет, что «история науки должна знать как историю того, что известно в качестве предмета знания, так и того, что является самим знанием» [Latour 2007, 104]. Это как бы две непересекающиеся истории. Задачей эпистемологии всегда было понять, каким образом в процессе познания возникает точка соединения мысли и ее предмета, как совершается телепортация, преодоление пропасти между ними. Латур имеет в виду, что в какие-то моменты обе линии соприкасаются. Причины могут быть разные, в основном они случайные, но их значение в научной деятельности велико. Эти точки, в которых соединяются обе линии – и история идей, и история предмета исследования – погружают исследовательскую деятельность в эмпирию. В эмпирии нет пропасти между знанием и реальностью. И здесь возникает необходимость, как считает Латур, «накрыть, так сказать, этот эмпирический хаос сетью таким образом, чтобы стало возможным объективное знание о солнечной системе, костях, микробах, о всех движущихся, перемещающихся, кодируемых феноменах» [Latour 2007, 106]. Разные нити, пути пересечения мысли, образуют узлы-точки. Особенность этих точек в том, что дальнейшее развитие науки во времени может осуществляться в различных направлениях, а мы опять будем иметь две непересекающиеся параллельные линии.

Большую роль в концепции Латура играет понятие «сеть». Она соткана из нитей, соединяющих точки выхода научной мысли в эмпирию, где только и можно говорить о субъекте и предмете как находящихся в определенных отношениях друг с другом. Предметы не созданы с самого начала как существующие *сами по себе*, еще до того как они появляются в головах ученых в качестве объективного знания о них. Лишь потом они поворачиваются к миру и изумляются, насколько они, идеи, соответствуют вещам вокруг.

В книге «Пересборка социального» [Латур 2014] Латур уделяет внимание не столько взаимодействию человека-ученого и предмета его изучения, сколько общению разнообразных, часто дискутирующих, но тем не менее связанных друг с другом событий возникновения нового знания. Эти события в своей совокупности напоминают *cases* в российской и западной философии науки, философии, часто переходящей в социологию. У Латура свое понимание социологии, но в своих исследованиях он приходит примерно к тем же выводам относительно интерпретации логики мышления наших дней, что и специалисты в области неклассической философии. Я имею в виду уже упоминавшегося выше Касавина [Касавин 2008; Касавин 2016], а также диалогика Библера

[Библер 1991], стрелу познания Мамардашвили [Мамардашвили 1996], учение Делеза о смысле [Делез 1998], социальную эпистемологию Фуллера [Fuller 2011; Fuller, Lipinska 2014] и некоторых др. Латур не согласен с пониманием социологии как целостной науки, как некоторой данности, с помощью которой можно объяснить ряд особенностей таких наук, как биология, химия, экономика и др. Возражает он в связи с этим и против использования социальности как фактора, оказывающего влияние на разного рода деятельность. Скорее наоборот. Социальность – это то, что «необходимо объяснять специфическими связями, обусловленными экономикой, лингвистикой, психологией, правом, менеджментом и т.д.» [Латур 2014, 16]. Социологию можно определить, полагает Латур, «не как “науку о социальном”, а как *прослеживание связей*». В таком понимании прилагательное “социальное” обозначает не вещь среди других вещей, вроде черной овцы, затесавшейся среди белых, а *тип связи* между вещами, которые сами по себе не являются социальными» [Латур 2014, 17]. Латур пишет, что новое определение социального, которое он предлагает, «должно быть *гораздо* шире, чем то, что обычно именуют этим словом, но *строго ограниченным* прослеживанием новых связей и построением их сборок» [Латур 2014, 18].

Другими словами, ученый как существо социальное производит новое знание в науке. Каждый такой акт, творческий акт, имеет свое начало в эмпирии, где производится сборка определенного типа социальности, соответствующей именно этому случаю. Социальность как свойство особой, индивидуальной деятельности ученого именно в этой конкретной ситуации воплощается в результате, который отличается от любого другого. Совокупность этих результатов образует сеть, сплетенную из нитей и узелков, охватывающих все события рождения нового на поверхности научного знания. В позиции Латура важно убеждение, что каждый раз, когда социальное меняет свою функцию, оно вынуждено менять и себя, и предмет научного исследования. Творческий акт уникален, и он может быть понят только при учете этого обстоятельства. Повторений нет.

Заключение

В интерпретации научного мышления произошел поворот в сторону понимания науки как ориентированной на человека, а не на природу, лишённую любых социальных характеристик. Дискуссии, разумеется, продолжаются, но аргументация энтузиастов нового типа анализа науки приобретает все больше сторонников. Кроме того, уже сейчас очень важно и любопытно разглядеть новые тенденции, формирующиеся на базе социальных характе-

ристик научного знания. Многие исследователи науки отмечают, что граница между субъектом и предметом становится все менее заметной. Так что дело не только и не столько в том, что человек и мир природы поменялись местами по своей значимости при формировании знания, но и в том, что их различие не имеет особого значения.

Такой вывод неизбежно следует из ряда выдвигаемых тезисов. Главный из них: *наука со всеми своими характеристиками определяется через свое начало, которое формируется в эмпирии, точнее сказать, в некотором контексте.* Именно в этот момент творческого акта субъект и предмет не различаются. Идея начала придает логическую значимость эмпирии, которая «не растворяет» в себе логику. Эмпирия (здравый смысл, повседневность, быт, разговор) – это основа логики. Для каждого акта мысли из эмпирии создается свой контекст, обеспечивающий возможность его творческого характера, будь то хирургическая операция, создание нового типа оружия или нового удобрения. Процедура формирования контекста – важный элемент в обосновании мысли. Практически в эмпирии можно найти подтверждение любого утверждения. Вспомним гераклитово: в одну и ту же реку (Волгу, например) нельзя войти дважды. Можно с этим согласиться. Но и утверждение «Я каждый день купаюсь в реке Волге» тоже вполне может быть верным. Это же справедливо и для научных теорий. Так что в эмпирии можно найти подтверждение и классической теории, и неклассической. Роль эмпирии меняется.

Но если наука анализируется с точки зрения ее начала, когда нет различия между субъектом и объектом, то и логика мышления, которая базируется на отношении «субстанция мыслящая – субстанция протяженная», меняется радикальным образом. Исследование того, как меняется и что получается в результате, – это задачи, еще требующие своего решения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Библер 1991 – *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Издательство политической литературы, 1991.

Делез 1998 – *Делез Ж.* Логика смысла. – М.: Раритет, 1998.

Касавин 2008 – *Касавин И.Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: Канон+, 2008.

Касавин 2016 – *Касавин И.Т.* Социальная философия науки и коллективная эпистемология. – М.: Канон+, 2016.

Касавин 2017 – *Касавин И.Т.* Викторианская философия науки: Уильям Хьюэлл (размышления над книгой) // Вопросы философии. 2017. № 3. С. 23–33.

Касавин, Щавелев 2004 – *Касавин И.Т., Щавелев С.П.* Анализ повседневности. – М.: Канон+, 2004.

Кун 1977 – *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: Наука, 1977.

Латур 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

Мамардашвили 1996 – *Мамардашвили М.К.* Стрела познания. Набросок естественноисторической гносеологии. – М.: Школа; Языки русской культуры, 1996.

Маркова 2016 – *Маркова Л.А.* Поворот в исследованиях социального характера научного знания // *Вопросы философии.* 2016. № 4. С. 182–193.

Маркова 2017а – *Маркова Л.А.* Другая наука, в результате – новая научная политика // *Вопросы философии.* 2017. № 12. С. 91–102.

Маркова 2017б – *Маркова Л.А.* Научная революция // *Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме / под ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана.* – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2017. С. 89–92.

Маркова 2017в – *Маркова Л.А.* Социальная эпистемология в контексте прошлого и будущего. – М.: Канон+, 2017.

Маркс 1969 – *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала») // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения / 2-е изд. Т. 46. Ч. II. – М.: Издательство политической литературы, 1969.

Duhem 1913 – *Duhem P.* Le Système du Monde. – Paris: Hermann, 1913.

Goldman 1999 – *Goldman A.* Knowledge in a Social World. – Oxford: Oxford University Press, 1999.

Goldman A. 2010 – *Goldman A.* Why Social Epistemology is Real Epistemology. In: *Social Epistemology / ed. by A. Haddock, A. Millar and D. Pritchard.* – Oxford: Oxford University Press. P. 1–28.

Fuller 2011 – *Fuller S.* Humanity 2.0: What it Means to be Human. Past, Present and Future. – London: Palgrave, Macmillan, 2011.

Fuller, Lipinska 2014 – *Fuller S., Lipinska V.* The Proactionary Imperative: A Foundation for Transhumanism. – London: Palgrave, Macmillan, 2014.

Latour 2007 – *Latour B.* A Textbook. Case Revisited. Knowledge as a Mode of Existence // *The Handbook of Science and Technology Studies / 3rd ed.* – Cambridge, MA: MIT Press, 2007. P. 83–112.

Latour, Woolgar 1986 – *Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986.

REFERENCES

Bibler V.S. (1991) *From Science to the Logic of Culture. Two Philosophical Introductions to the 21st Century.* Moscow: Politizdat (in Russian).

- Deleuze G. (1969) *Logique du sens*. Paris: Éditions de Minuit (Russian translation: Moscow: Raritet, 1998).
- Duhem P. (1913) *Le Système du Monde*. Paris: Hermann.
- Fuller S. (2011) *Humanity 2.0: What it Means to be Human. Past, Present and Future*. London: Palgrave, Macmillan, 2011.
- Fuller S. & Lipinska V. (2014) *The Proactionary Imperative: A Foundation for Transhumanism*. London: Palgrave, Macmillan.
- Goldman A. (1999) *Knowledge in a Social World*. Oxford: Oxford University Press.
- Goldman A. (2010) Why Social Epistemology is Real Epistemology. In: Haddock A., Millar A., & Pritchard D. (Eds.) *Social Epistemology* (pp. 1–28). Oxford: Oxford University Press.
- Kasavin I.T. (2008) *Text. Discourse. Context. Introduction to the Social Epistemology of Language*. Moscow: Kanon+ (in Russian).
- Kasavin I.T. (2017) Victorian Philosophy of Science: William Hewell (Reflections on a Book). *Voprosy filosofii*. 2017. No. 3, pp. 23–33 (in Russian).
- Kasavin I.T. (2016) *Social Philosophy of Science and Collective Epistemology*. Moscow: Kanon+ (in Russian).
- Kasavin I.T. & Shchhavelev S.P. (2004) *Analysis of Everyday Life*. Moscow: Kanon+ (in Russian).
- Kuhn T. (1962) *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: Chicago University Press (Russian translation: Moscow: Nauka, 1977).
- Latour B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press (Russian translation: Moscow: HSE University Press, 2014).
- Latour B. (2007) A Textbook. Case Revisited. Knowledge as a Mode of Existence. In: Hackett E.J., Amsterdamska O., Lynch M.E., & Wajcman J. (Eds.) *The Handbook of Science and Technology Studies* (3rd ed.; pp. 83–112). Cambridge, MA: MIT Press.
- Latour B. & Woolgar S. (1986) *Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Mamardashvili M.K. (1996) *The Arrow of Knowledge. Sketch of Natural Historical Epistemology*. Moscow: Shkola; Yazyki russkoy kul'tury (in Russian).
- Markova L.A. (2016) A Turn in Studies of the Social Nature of Scientific Knowledge. *Voprosy filosofii*. 2016. No. 4, pp. 182–193 (in Russian).
- Markova L.A. (2017a) Another Science, Resulting in a New Science Policy. *Voprosy filosofii*. 2017. No 12, pp. 91–102 (in Russian).
- Markova L.A. (2017b) Scientific Revolution. In: Kasavin I.T. & Feigelman A.M. *Revolution and Evolution: Development Models in Science, Culture, Society* (pp. 89–92). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University Press (in Russian).
- Markova L.A. (2017c) *Social Epistemology in the Context of the Past and the Future*. Moscow: Kanon + (in Russian).
- Marx K. (1969) Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie: 1857–1858. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 46, part 2). Moscow: Politizdat (Russian translation).